

ПОБЕРЕГИТЕ ОСТАВШИХСЯ!

РЕТРОСПЕКТИВА

Есть артисты, режиссеры, художники, умеющие только творить, создавать новое, работать. Другие — способны пробовать и пробиваться, забывая порой о творчестве. Добывать ставки, поездки за рубеж, лучшие разрядки и костюмы вне очереди.

Когда Александр Гримайло был клоуном и работал со своим партнером Николаем Яшукковым, он не требовал ни ставок, ни поездок, не обивал пороги кабинетов начальства. Он работал. Вместе с партнером они постоянно занимались творчеством, создавали новые репризы, осваивали просторы Сибири и Дальнего Востока и долго надеялись, что их заметят, оценят. Они были говорящими клоунами, и в их репертуаре сверкали злободневные (по тем брежневско-сусловским временам) частушки. Тогда их ругали за то, что они говорят. Потом стали ругать тех клоунов, кто не говорит в манере. Они были первыми претендентами на конкурс в Париж. Но вдруг чья-то невидимая рука отодвинула их в сторону... и поехали другие.

Александр Гримайло ушел с манежа, а точнее, из артистов, так и не оцененным, нет, не зрителями — тут был заслуженный успех, а вышшими чинами и чиновниками Союзгосцирка. Так ни разу за 12 лет и не побывав за рубежом, не получив новой тарификационной ставки.

Однажды посчастливилось — они отработали на столичном манеже в шапиту и были приглашены Марком Местечкиным в программу цирка на Цветном бульваре. Но Местечкин умер, и приглашение отменили.

Александр Гримайло стал режиссером Тульского цирка, известного своей творческой устремленностью, славными традициями. Спектакли, которые они ставили вместе с А. Калмыковым — художественным руководителем и директором цирка, были не ординарными и всегда имели успех. Ни один артист не уезжал из Тулы, не получив творческой помощи. Режиссерские способности Гримайло раскрылись с полной силой.

Но цирк закрылся на капитальный ремонт. Конечно, можно было "кантоваться" в Туле, получать зарплату и спокойно "подхалтуривать". В общем, жить и не тужить.

Но Гримайло не тот человек, который может жить не воплощая своих идей, своей мечты. Все это время он работал на благо цирка, артистов, ставя спектакли в других городах и номера во Всесоюзной дирекции.

Ставил, создавал блестящие номера и, извините за прозу жизни, не получал за свою работу ничего или получал жалкую толику как автор. При этом снимал за свой счет квартиру в Москве. Оказывается, по каким-то инструкциям работать бесплатно можно, а оплачивать работу, жилье, предоставлять работающему режиссеру цирковую гостиницу — нельзя!

Я буду перечислять все спектакли и номера, поставленные этим талантливым режиссером за три года. Не сразу подсчитаешь! Многие из вас видели три года назад замечательную елку в "Олимпийском" — "Три толстяка", эксцентрический номер Лидии и Леонида Игнатовых, работавших на самых престижных правительственных концертах и совсем другой номер — драматический, глубокий по содержанию — Станислава Ткача...

В начале ноября состоя-

лось открытие Тульского цирка, премьера, о которой Гримайло мечтал все эти годы. На манеже развернулось поразительное действо, выстраданное и выношенное им. На спектакль собрались друзья, вся творческая интеллигенция города, все, кто помогал в возрождении цирка, руководство объединения. Какой была премьера, вы можете прочесть на соседней полосе. Но сразу же после премьеры художественный руководитель цирка Александр Гримайло подал заявление об уходе и тихо покинул родной город. Его никто не останавливал, никто не задавал вопроса: почему?

Об этом решили спросить его мы.

ПОЧЕМУ?

— То, что произошло перед премьерой, было последней каплей в том потоке несправедливости, черствости, ханжества и бюрократизма, к которым за много лет моей творческой деятельности я так и не сумел привыкнуть. А дело вот в чем. У меня появилась идея возродить дореволюционную традицию и освятить наш рожденный вновь цирк. Все меня поддерживали в этом. Отец Анатолий, церковь с радостью восприняли это предложение, готовился церковный хор. Все работники цирка с воодушевлением восприняли эту идею. И вдруг... запрет.

— Пусть ваш Гримайло придет и доложит мне, что он там делает, — потребовала представляющая отдел культуры Обкома партии З. Ковырзенкова. Я на это ответил: "Цирк рядом. И если товарища Ковырзенкову интересуют, что же мы делаем, она может прийти и посмотреть".

И все, что меня в цирке поддерживал, сразу изменил свою точку зрения. Мои бывшие единомышленники неожиданно превратились в судей. И только артисты по-прежнему с остервенением готовились к премьере.

Освещение не состоялось, и я в знак протеста покинул город, покинул цирк.

Разговор наш был долгим и взволнованным. Глаза его то загорались, когда он говорил о творчестве, о талантливых людях, о своих идеях, то гасли, точно кто-то нажал на выключатель, когда разговор касался обратной стороны творчества, административных игр и ужимок.

Прошло больше месяца с того момента, как состоялся наш разговор. Я не спешила выносить его на страницы газеты, надеясь, что что-то изменится в судьбе талантливого режиссера Гримайло. Но... За это время ничего не изменилось. И может случиться такое, что мы, цирк, потеряем еще одного талантливого режиссера. И снова: почему?

— Почему я все-таки ухожу? Не хочу бороться, размахивая кулаками, ходить, пробивать, подписывать бумаги, заниматься режиссурой и костюмами для артистов. Я хочу заниматься тво-

рчеством, приносить пользу людям и цирковому искусству. И артист, и режиссер должны заниматься своей творческой работой, а не бумажками и пробиванием. Для этого есть администрация, завпосты. И они должны знать, что нужно артисту, режиссеру. Режиссер — это голова. Ему должны платить деньги за то, что он думает, создает, творит. Режиссер должен все собрать и сказать: здесь нужна такая-то музыка, такие-то костюмы, такой-то реквизит. И ему это все постановочная группа должна предоставить. Каждый должен заниматься своим делом. Что происходит у нас? У нас режиссера пытаются превратить в доставалу, в репетитора. Человек учит стоять на голове или на руках — его уже называют режиссером, а это беда. У нас таких режиссеров очень много и в дирекции, и по циркам и, кстати, они ездят за рубеж, они получают большие ставки, а настоящие режиссеры уходят из цирка, потому что так жить дальше нельзя. Мы самые бесправные, самые обиженные люди. Порой даже артисты, в которых ты вложил свою душу, не вспоминают, что номер им поставил ты, что ты их вывел на широкую дорогу творчества. Подумаешь, режиссер!

— Но ведь сегодня в цирке без режиссера, без режиссерских идей обойтись просто нельзя. Сегодня везде в мире существует режиссерский цирк и в Канаде, и в Америке, и в Германии. И у нас есть цирк Гнеушева, пока еще есть цирк Гримайло. Был цирк Т. Дуровой. К сожалению, был, потому что Тереза ушла из Союзгосцирка и ее не спешат приглашать обратно. Сегодня, к несчастью талантливых режиссеров цирка, мы можем посчитать на пальцах одной руки.

— Нет режиссеров! И откуда брать приток новых, молодых интересных современных артистов и номеров? Кого тогда посылать на курсы? Если человек не понимает, что цирк это не только прыжки, сальто-мортале, трюк, то он и не понимает, для чего нужен режиссер. Основа цирка, это мое глубокое убеждение, отнюдь не один трюк. Цирк — это искусство, и значит все — трюк, музыка, художник, пластика, трюк — это талант, это интерес, это мастерство. Бывает, мало в номере трюков, но существует произведение — его нельзя разложить на составные.

Моя актерская и режиссерская жизнь накапливала во мне чувство протеста. Как правило, мне не помогали, а мешали создавать и сохранять созданное.

В Туле мы ставили интересные спектакли, которые пользовались успехом, получали большую прессу, и не только местную, но и столичную. Но спектакль уезжал из Тулы и, не доехав даже до

Серпухова, разваливался. Никто не был заинтересован, кроме самих режиссеров, в сохранении произведения. Спектакль надо беречь, лелеять, а это хлопотно! Проще жить, не утруждая себя. Кому из наших главковских чиновников нужны эти лишние заботы. Разбросали номера по разным циркам, и дело с концом. В результате зауральские цирки превратились в балаганы. Здания шикарные, а программы — даже на ярмарках когда-то были лучше и веселее. Я объездил всю Сибирь, Урал. Это страшно. Есть артисты, которые годами не выезжают оттуда, чтобы не попадаться на глаза руководству.

Сейчас цирк на грани катастрофы, и у нас остались лишь немногие артисты — хорошие артисты, которые продолжают плыть на этом союзгосцирковском корабле и поддерживать этот тонущий корабль на плаву. Многие ушли в кооперативы, в СП.

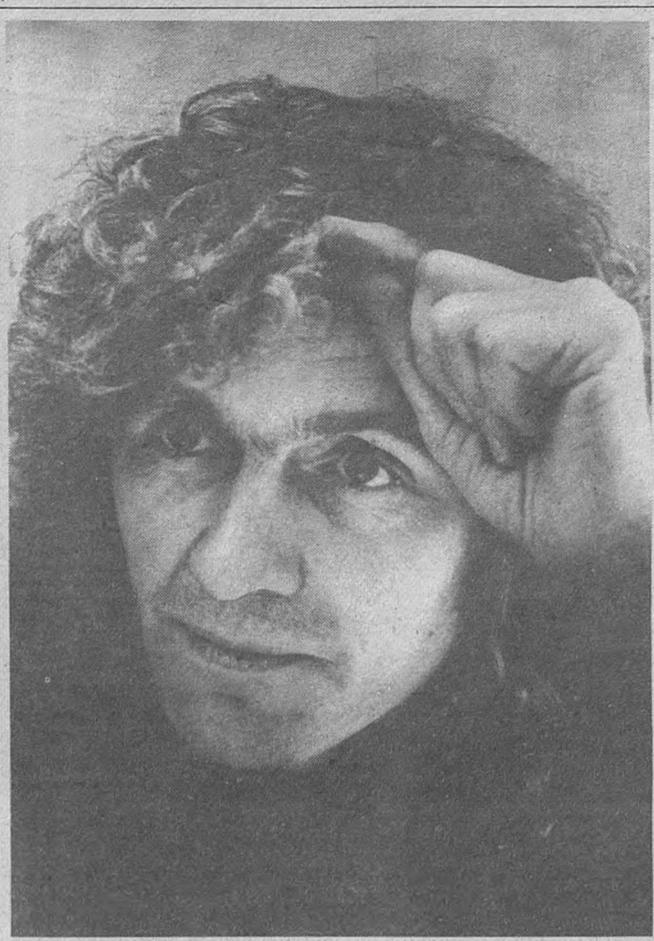
— И вы тоже все-таки уходите с этого корабля?

— Я даже не думал никогда уходить, бросать цирк. Но тратить жизнь на беспредметную борьбу с людьми, которые умеют пристраиваться и только изображать работу, я не хочу. Жизнь, я считаю, удалась, если ты что-то сделал не для себя, а для людей, для искусства, для дела, которому служишь. Ты оставяешь номера, спектакли, которые живут, не распадаются, не умирают — и значит ты не зря жил.

Что такое жизнь, прожитая впустую — это когда человек занят только своими благами. Пришел, съездил за рубеж, получил от цирка все удовольствия, и до свидания! Когда ты хочешь много работать, требуешь, добиваешься, ты неугодный человек. Бюрократическому аппарату легче жить, когда мы ничего не требуем. Я в течение полугода ходил, как на работу, в отдел формирования по поводу тульской программы, чтобы не забрали от меня нужные номера, не заменили их другими. А мне говорили: ну зачем тебе хорошая программа, в Туле три года не было цирка, зритель и так пойдет. Но я все-таки отстоял почти все. Мы в Туле зрителей никогда не обманывали. А меня, как режиссера, обманывали в нашем главке не раз. Только этим летом меня тарифицировали. Мои акты не однажды теряли. Меня приглашали поработать за рубежом, поставив там номера. Мне об этом даже не удосужились сказать. И на просьбу из Франции ответили, что я сейчас занят и работаю в Болгарии, а на запрос из Болгарии — что я ставлю номера во Франции.

— И что же теперь, неужели вы окончательно расстанетесь с цирком?

— Сейчас я доделываю шесть номеров, над которы-

ми начал работать полгода назад во Всесоюзной дирекции, и аттракцион Сержа. Конечно, я их не брошу на полпути, но выпуск не за горами, а ни костюмов, ни реквизита еще нет. Опять все надо делать самим. А это выматывает и артистов, и меня.

В свое время у нас в Туле был удивительный творческий и производственный костяк, мы сплотили вокруг цирка разных людей. В типографии выпускали плакаты — рекламу на артистов, у нас была договоренность на заводах, где делали уникальные аппараты. Заводы предлагали нам включать наши работы в план. Думаете, кого-то в главке это понастоящему заинтересовало, кто-то занялся этим делом? Нет.

И в результате мы всегда и везде просители, которым могут пойти навстречу, а могут и отказать.

Нашему руководству нужны не режиссеры, а тягачи, волы, которых можно запрячь в работу и погонять. Им это выгодно. Человек, у которого есть чувство долга и совесть, будет тянуть на себе всю работу и не бросит ее. Но всемоу есть предел, конец сил наступает. Я не бросил цирк перед премьерой, поднял всю эту машину, я исполнил свой долг, я не брошу артистов, с которыми работаю.

Но из Союзгосцирка я ушел. Я не могу больше видеть эти вечно меняющиеся бюрократические лица. Лица меняются, а суть работы остается той же: не досаждайте, не мешайте, что ходите? От нас отмахиваются, как от назойливых мух.

Идти в главк и доказывать уже новому руководству, что я режиссер, говорить, что я поставил! Они не знают этого и, главное, не хотят знать. Приходит новое руководство, и будто не существовало ни Франке, ни Закирова, ни Ситова, ни Ситова — не существует этих талантливых режиссеров!

Никто с ними не знакомится, не спрашивает, а что вы делаете и чем нужно вам помочь!

— Но ведь уход из цирка, из циркового искусства — это же не выход. Вы из

тех людей, которые не смогут жить без цирка, я в этом уверена. И вы-то как раз работаете не из-за денег, поездок и почестей, а из-за любви к искусству цирка.

— Да, вы правы. Цирк, как наркотик: кто им укололся, не сможет расстаться с ним никогда.

У нас сейчас без конца говорят о контрактной системе. И я готов идти на контракт. Готов быть первым в системе Союзгосцирка, в контрактной системе, за которую так ратует новый генеральный директор Л. Яирова. Но меня никто не приглашает, хотя знают, что я уволился. А я ходить и просить не привык, считаю это ниже своего достоинства. За меня должна говорить моя работа.

Я устал от лжи, от обмана, от предательства, от неуважения, от пренебрежения к своей работе. Мастер, художник не должен быть борцом, пробивалой, он должен заниматься своим делом, творчеством. Почему на Западе существуют менеджеры, люди, которые берут на себя заботу о талантах, пробивают им дорогу. И у нас они должны быть. Пока не будет людей, помогающих талантам, наше искусство будет загнивать.

Это удивительное отношение к нашей режиссерской профессии заставило меня тихо, спокойно удалиться, написать заявление. А говорю я об этом только для того, чтобы кто-то задумался, переосмыслил свое отношение к творческим людям, которые заслужили его своими бессонными ночами, тяжелым трудом и копеечными вознаграждениями, буквально нищенским существованием.

Поберегите оставшихся! Поберегите таланты!

Э. БОРОВИК.
Фото В. ДВОРЕЦКОГО.
ПОСЛЕСЛОВИЕ.

На 28 декабря во Всесоюзной дирекции был назначен просмотр новых номеров, подготовленных режиссером А. Гримайло. Но о костюмах и реквизите службы не позаботились — и выпуск не состоялся, хотя артисты, работающие, репетирующие день и ночь, были готовы показать работу. Просмотр перенесен на январь. Думаю, комментарии излишни.